

КОНСТАНЦ Ф. Л. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

КОНСТАНЦ Фридрих Людвигович, родился в 1880 в Самарской губ. Получил высшее образование. С 1898 — преподавал в гимназиях, с 1920 — заведующий немецкой школой-девятилеткой в Саратове, с 1928 — преподавал в институтах и техникумах, с 1932 — в Ветеринарном институте. 3 апреля 1935 — арестован «за контрреволюционную деятельность», приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в село Казачинское Красноярского края.

В сентябре 1935 — к Помполит обратилась за помощью его жена, Амалия Филипповна Констанц.

<12 сентября 1935>

«Гр<ажданки> Амалии
Филипповны Констанц

Просьба

Мой муж, Фридрих Людвигович Констанц, преподаватель Саратовского Зоовет<еринарного> института, арестован Сарат<овским> НКВД 3-го апреля с<его> г<ода>, и ему предъявлено обвинение: срыв подготовки педагогических кадров (ст<атья> 58 п<ункт> 10-12 УК).

Подготовкой педагогов муж мой занимался в местной немецкой школе 9-тилетке, которой заведовал с 1920 по 1928 г<од>. За это время было 3 выпуска с педагогическим уклоном. Открытая в 1920 г<оду> школа набирала уч<ащих>ся из других школ города и в значительном числе из школ Нем<ецкой> республики. Работники Сар<атовского> горно, зам<еститель> зав<едующего> Главсоцвосом Нем<ецкой> Р<еспублики> П<оволжья> РСФСР и другие работники Нарком<ата> Прос<вещения> тогда находили, что педагогическая практика в немецкой школе поставлена наилучшим образом в губернии, даже лучше, чем в Пед<агогическом> техникуме. Комиссар просвещения Нем<ецкой> республики Шепфелт также одобрительно отзывался об этой части работы школы.

В это же время муж мой принимал деятельное участие в борьбе с эпидемиями, свирепствовавшими в то время в нашем крае и, в частности, в Саратове.

С 1928 г<ода> муж преподавал немецкий язык в различных В<ысших> уч<ебных> з<аведениях> и Т<ехнических> уч<ебных> з<аведениях> и последние 3 года в Саратовском Зооветинституте.

Следствие интересовалось об отношении мужа к работникам АРА и Германского Красного Креста, а также сношениями с немецкими эмигрантами. С работниками АРА и Красного Креста муж сносился через представителя Центрального правительства в Саратове лишь по вопросам получения продуктов питания для детей-школьников и эпидемических больных. Из эмигрантов он никого не знает и никогда никаких дел с ними не имел.

Следствие еще обвинило мужа в том, что он вместе с другими немецкими педагогами вел контрреволюционную националистическую работу.

Прервав в 1928 г<оду> с уходом из немецкой школы всякую связь с немцами, муж посвятил все свои силы преподаванию немецкого яз<ыка> в Вузах и Тузах, давая по 12 уроков в день. Одновременно он занимался поднятием своей квалификации сообразно с требованиями институтов. Кроме всего этого, он помогал научным работникам использовать

немецкую литературу. Весь 33 г<од> он проболел и сейчас болен грудной жабой и склерозом.

При последней встрече следователь указал, что о Саратовской немецкой школе много писалось в германских газетах, но время этих сообщений он не указал. За время заведывания школой мужу ничего не было известно, писалось ли что-либо о Саратовской немецкой школе или нет. Возможно, что один из следующих заведующих, будто германец, фамилия коего мужу неизвестна, и писал кое-что туда.

Следствие велось односторонне, за три с половиной месяца было 3 опроса, обвинительный материал в присутствии обвиняемого не разбирался, и он ему неизвестен, обо всем говорилось вообще, без указания определенных фактов.

По всем предъявленным обвинениям муж признать себя виновным не может. Возможно, что за время заведывания школой до 1928 г<ода> и были допущены кое-какие ошибки, но, не получив в свое время никакого замечания по ним, можно ли, спустя семь лет, предъявлять по ним обвинение. В отношении работы последнего времени в институтах тоже не было получено замечаний.

За время 37-летней педагогической работы в учебных заведениях разного типа и национальностей муж потратил все свои силы и здоровье в работе по поднятию культурного уровня масс, честно работая и выполняя возлагаемые на него обязанности, и ни в какой мере не заслужил этого несправедливого обвинения и заключения.

Сидя в изоляторе, он оторван от внешнего мира и не имеет возможности себя реабилитировать.

Ввиду того, что Саратовская Прокуратура не принимает никаких заявлений и просьб, я решила обратиться непосредственно в НКВД с убедительной просьбой ускорить дело моего больного мужа. Длительное заключение уносит остатки его слабого здоровья и грозит сделать его полным инвалидом. Сердечные припадки, которыми он страдал в 33 г<оду>, в изоляторе опять возобновились. Взирая на все вышесказанное, еще раз прошу оказать мне содействие и не оставить мое заявление без внимания.

А. Констанц.

12-го сентября 35 г<ода>.

г<ород> Саратов, площадь Революции 1905 г<ода>,

Старый Авирный пр<оезд>, д<ом> № 17, кв. 2»¹.

В марте 1936 — к Е. П. Пешковой обратился за помощью сам Фридрих Людвигович Констанц.

<24 марта 1936>

«Многоуважаемая товарищ Пешкова!

Я после долгих колебаний решил обратиться к Вам с просьбой помочь мне в моей большой беде.

Я, преподаватель немецкого, Фридрих Людвигович Констанц, выслан в Красноярский Край, якобы за принадлежность к контрреволюционной группе. Мое осуждение является ошибкой следователя, ведшего следствие о какой-то группе, к которой будто бы принадлежала преподавательница К., на квартиру которой я пришел во время обыска, чем, по-видимому, и навлек на себя подозрение. Следователь рассуждал просто: раз приходил к К., значит, действовал заодно с нею и т<ак> д<алее>, и не потрудился выяснить мои отношения с К. Надо думать, что он так и написал НКВД, и в результате его представления я теперь

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1411. С. 78-80. Автограф.

нахожусь в с<еле> Казачинском около Енисейска, где, однако, жить не могу. Дело в том, что за 37 лет педагогического труда я болен и стал жалким инвалидом физического труда, а кроме того здесь никакого предложения труда нет, да и оно недостаточно для находящегося здесь лиц физического труда. Есть неполная средняя школа, но туда меня не берут, потому что знают, что преподаватель ВУЗА не годится для детей, точно также не берут в канцелярию, так как есть безработные специалисты канцелярского труда. Кроме того во все пребывание мое в Красноярском крае (с 30-го ноября 1935 г<ода>) у меня от влияния здешнего климата не прекращающиеся приступы грудной жабы, только недавно прекратились приступы болей желудка от язвы и не проходит хронический ларингит, а необходимой медицинской помощи нет. Наконец, невыносимо страдаю от самого тяжелого наказания — это полное безделие. Знать, что ты вполне пригоден для очень важной работы — освоения опыта иностранных научных работников, и знать еще, что ты ни в чем не виновен, это — дело нелегкое. К этому присоединяется предстоящий в недалеком будущем голод: я проедаю последние остатки небольших сбережений.

Все это, вместе взятое, заставляет меня обратиться к Вам с просьбой, поддержать мое ходатайство о переводе в другое место.

Ф. Констанц.

С<ело> Казачинское Красноярского края.

24 марта 1936 г<ода>.

P.S. По имеющимся сведениям недостаток в преподавателях немецкого языка имеется в Омске, Ташкенте, и наконец, я слышал, что преподаватели немецкого языка требуется в Коканде и Алма-Ате»².

17 июля 1937 — Фридрих Людвигович Констанц был арестован по групповому делу и заключен в Енисейскую тюрьму. 26 октября приговорен к ВМН и 18 ноября расстрелян³.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1411. С. 65-66.

³ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.